

Александр Колупаев

Зеркало судьбы

Александр Алексеевич Колупаев

Зеркало судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24631516

Аннотация

Как вы думаете, как должен выглядеть предмет, через который неизвестная и могущественная цивилизация наблюдает за нами? А что если, торопливо взглянув в зеркало, или некоторое время, прихорашиваясь перед ним, не только мы смотрим на себя, но оттуда за нами наблюдают? Обычному человеку, да просто одному из нас, достался антикварный предмет, который резко поменял его судьбу.... Да что я вам всё это рассказываю? Прочитайте, а вдруг и вам так повезёт?

Тест.

Мою знакомую пригласили работать в Астану. Переезд прошел безболезненно. Как классный специалист и знаток своего дела, получила она служебную квартиру и дополнительные льготы. Вот только заминка вышла с определением дочери на дальнейшую учебу.

Девочка окончила пять классов какой-то навороченной школы, где изучались иностранные языки, применялись разные педагогические методики, просто обязывающие учеников быть «продвинутыми» в разных областях знаний.

Видел я её дочку. Ничего особенного. Так же как и все ученики, более «простых» школ, хватала двойки по математике, раз в неделю корил её физрук, да мать с отцом отчаянно бились за выполненные вовремя уроки.

Новая школа, где ей предстояло учиться в шестом классе, встретила её настороженно. Как же, элитная школа, все дети подобраны разного рода конкурсами, да тестами. Мать, приведя её к школьному психологу, волновалась страшно!

Ещё бы, дочь своенравная, если что не понравится, по-своему поступает. Напрасно волновалась, тесты простые, стандартный набор для пятиклассников. Ничего особенного.

Дочь вышла от психолога минут через двадцать.

– Ну что? Как с вопросами на все ответила?

– Да, не переживай ты, мама так, вопросы там дурацкие были! Да ответила я на них!, – и девочка беспечно стала на-

званивать своим подружкам по сотовому телефону.

– Оставь «сотик», видишь, мама волнуется, скажи, хоть один вопрос был трудный?

– Ой, да был один, вздохнула девочка, представляешь, спрашивается «Сколько у четырех кошек глаз?»

– И это ты считаешь трудным?, – задохнулась от волнения мать.

– Я спросила у этой тетечки, что дала мне эти тесты: «С вариантами отвечать или просто?»

– Какие ещё варианты, Софья?! Нет, ты меня точно до инфаркта доведешь!

– Вот она тоже также на меня как ты посмотрела, а потом сказала «Ну, пиши с вариантами...»

– И что ты написала?

– Да написала – вообще-то восемь, но если предположить что среди кошек могут быть инвалиды по зрению, то можно составить 19 вариантов.

– Так, и здесь ты отличилась! На простые вопросы хоть ответила?

– Вопрос простой, там спрашивается: «К тебе пришли две подруги. Подели одно яблоко на вас троих»»

– Делила бы ты поровну между всеми, и по одной трети яблока на каждого достанется!

– Вот ещё! Тут и думать нечего – половинку мне, половинку Насте, а у Маринки аллергия на яблоки!

Ошарашенная такими ответами, мама зашла в кабинет к

психологу.

– Да, вдумчивая у вас дочь, посмотрите, что ответила она на простой вопрос: «В какой стороне света садится солнце?»

На пустом месте, напротив вопроса, детским почерком было написано:

«Согласно гелиоцентрической теории Коперника, то Солнце неподвижно относительно планет, это планеты кружат вокруг Солнца. Само Солнце звезда шестой величины, летит в пустоте космического пространства со скоростью 22 тысячи километров в секунду в направлении созвездия Лиры. Что касается Земли, то всем нам кажется, что Солнце движется по небу, потому, что Земля вращается вокруг своей оси, вращение это происходит с запада на восток со скоростью 456 метров в секунду, если считать эту скорость на поверхности в районе экватора. Эта иллюзия позволяет нам видеть заход солнца на западе»

И не скрывая гордости и уважения к самой себе, обожаемо – любимой, приписала в конце ответа: «Это можно любому прочитать в интернете».

Хорошо смеется тот, кто смеется утром!

Во дворе дома № 17 по улице имени летчицы Гризодубовой, раздался громкий смех. Само событие не было бы уж столь неординарным, если бы не два обстоятельства. Смех был чересчур громкий для этого утреннего часа, а во вторых

смеялся, да что там: просто ржал изо всей силы своих прокуренных легких, дворник Митрич.

Половина жильцов дома уже встала с постели, правда нужно признаться, не совсем успела ещё проснуться, а остальные обнимали подушки, упорно досматривая остаток утренних снов.

До этих пор такого безобразия за дворником еще не водилось. Нет, порой несколько дней мог он, отложив метлу, обмывать получку, что он не человек что ли? Но что бы вот так, разбудить жильцов дома в раннее летнее утро, этого – нет!

Дворником, Дмитрием Денисовичем, а попросту – Митричем, все были довольны. Ровно в пять, каждый день, раздавалась его легкое покашливание, а затем, равномерное шарканье метлы по тротуару.

Шух, шу-у-х, туда секунда, оттуда полторы. Это равномерное действие благотворно влияло на мужчин, проживающих в доме. Правда, однажды этот ритм был бессовестным образом нарушен: Митрич, словно влюбленный кот, кружился по двору, шуршал метлой в каком-то бурном испанском ритме, притопывая и припевая при этом. Через полчаса, Колька Панин, из квартиры № 24, что в первом подъезде, выскочил на балкон, полуодетый – в очках и одних комнатных тапочках, и заорал: «Митрич, маши метлой как прежде, весь дом с ритма сбиваешь!»

Вот и все нарушения общественного порядка, что смог бы отыскать самый придирчивый жилец нашего дома, который

за глаза все жильцы называли простенько – «угол».

Название прилипло, оттого что дом был, развернут по центру, образуя как бы угол, наподобие читаемой книжки.

Архипов, Генрих Валерианович, самый светлый ум нашего дома, как-то подсчитал, что угол разворота «книжки» дома, составляет ровно 127 градусов. А что? С Генриха Валериановича, сбудется, вон он и в физике и математике, да что там, и в астрономии понимает! Не то, что Витек, боксер из шестого подъезда, ему что астрономия, что астролябия, один калач.

А тем временем, в смехе нашего мастера метлы произошли некоторые изменения. Даже не обольщайтесь – тише он не стал, наоборот, величина децибелов смех возросла, да и к тому же появились возгласы, в которых можно было разобрать пару тройку слов типа: «блин» и «мать»... Подобный поворот события вызвал неподдельный интерес у мужской части дома и некоторое возмущение у женской. Количество зрителей, и само собой слушателей, на балконах увеличилось, и достигло критической массы.

Это привело к действию.

Решено было собрать комиссию в составе нескольких человек и отправить её к песочнице, где Митрич в ключья рвал утреннюю тишину своим громким ржанием.

Балконный совет, чуть не написал – майдан, выдвинул в качестве делегантов, троих. Естественно Генриха Валериановича, так как он умеет играть в шахматы, Витька, с его ку-

лаками и головой, которой он не раз стучался в доски ринга и Захарыча, тот ничего не умел делать, зато любил участвовать в разных комиссиях и заседаниях.

На сборы и выработку единой стратегии комиссии ушло минуты три. За это время Митрич успел обогатить русский язык семью новыми вульгаризмами, добавить к старым, хорошо всем известным, пятнадцать малоизвестных – трехэтажных, да просклонять слово «мля», девятью способами.

Наконец, отягощенная высокими полномочиями троица, вышла из своих подъездов, и построившись в форме излюбленного боевого клина тевтонских рыцарей, а именно «свиньи», двинулась в сторону дворника Митрича. Впереди, как самый пробивной, шел Витек, а по бокам и чуть сзади более хилые парламентареры.

Приблизившись к песочнице, на скамейке вблизи которой восседал нарушитель тишины и утренних снов, делегация обратилась к нему с суровым вопросом: «Доколе?!» – мол...

Митрич, вытер рукавом своей робы глаза и похлопал ладонью по странице газеты, вот, сами смотрите.

Генрих Валерианович, как самый способный к чтению, продекламировал вслух газетные строчки и впал в состояние шамана только что завершившего свой обряд. К смеху Митрича, к тому времени больше напоминавшего ржание влюбленного жеребца, перемежаемого всхлипываниями, добавился буйный хохот Витька и тоненькие повизгивания Захарыча.

Так как количество балконных посетителей превысило все допустимые нормы, то резонный возглас: «Ну?!», привел членов комиссии в отчетное состояние.

Витек, ткнув пальцем в слегка измятую газету, зычно изрек: «Вот тут написано, что одна баба, вчера в роддоме № 3, родила ажно двадцать одного ребенка!!!»

Все балконы дома № 17, а по простому – «угол», дружно громыхнули смехом.

Звук, заметался в крыльях «угла», сорвал с крыши мирно дремавших голубей, и отразившись, умчался вдаль, туда где по аллее парка совершал свою ежедневную утреннюю пробежку зам главы городской администрации Пухов Сергей Спиридонович.

Сергей Спиридонович, свою затею с бегом не одобрял, более того, считал, что это утреннее рыскание в парке вовсе не добавляет ему ни капельки солидности. Но, как известно, против начальства, не попрешь!

«Тут, оно как – я начальник, ты дурак, ты начальник, я -...» – не успел додумать свою мысль зам главы, как громкий шум, отдаленно напоминающий звук прогреваемого реактивного самолета, и рев трибун футбольных фанатов, по поводу забитого гола, прервал его бег и даже слегка пригнул к дорожке парка. Сергей Спиридонович подумал было, что это метеорит прошумел над его головой. С тех пор как над Челябинском взорвался это небесный камешек, и осколки бултыхнулись в озеро Чебаркуль, сильно забоялся зам главы

администрации этой метеоритной напасти.

«Вон сколько стекла побило, это ж хлопот то, хлопот, тамошнему начальству!»

Вот тут и померещилось ему, что над его родным городишком Полесск – Ключевым, тоже «чебаркулькнуло». Когда страх немного отпустил, Сергей Спиридонович, определился с направлением шума и поспешил трусцой к источнику оного.

Он как раз успел к той фазе, когда утренний смех жильцов дома, стал прерываться возгласами, которыми водители характеризуют качество отечественных дорог, а заодно и тех, кто их строил.

– Граждане, спокойно, спокойно, граждане! Предлагаю немедленно прекратить этот несанкционированный митинг! Иначе организаторы его понесут административное взыскание!

Сергей Спиридонович, сделав самое суровое начальственное лицо из всех возможных при одетых на нем кроссовках и трениках, развернулся к Витьку. Тот, взяв газету из рук Генриха Валериановича, и протянув бумажный листок, зам главе и ткнул в нужный абзац кулаком.

Начальственное лицо, пробежало взглядом по газетным строчкам.

«Тво-о-ю-ю»...., «Мать!» – закончил фразу Витек и смахнул наворачнувшуюся от смеха слезу.

Двумя часами позднее, в редакции местной газеты «По-

лесск – Ключевский вестник», произведено было заключение.

Заключалось пари.

Журналист Филькин Геннадий Куприянович, и фотокор Мячиков Альберт Степанович, встревоженные более чем часовым опозданием редактора, заключили пари о причине опоздания шефа.

Журналист Филькин, ничуть не сомневался, что причина опоздания банальна до простоты выеденного яйца: вчера редактор получил приглашение на открытие сауны.

Само событие было не столь уж и выдающимся, сауна была седьмая по счету и хотя уровень помыва граждан Полесск – Ключевска несколько возрос, перегрев шеф – редактора в новой сауне, да ещё в сочетании с обильной дегустацией пива, вполне мог стать причиной его утренней задержки.

Фотокор Мячиков, наоборот, утверждал, что эта причина слишком мала для закаленного в пивных баталиях газетного начальства, а вот домашние дела очень даже могли подействовать на шефа и явится причиной опоздания.

Резон в этом был прямой – неделю назад, к ним в редакцию, прислали стажера. Во-первых, стажер оказался стажеркой, во-вторых – её звали Людочка.

Ревнивость жены главного редактора городского вестника, зашкалила бы все приборы, если бы таковые существовали для определения этой самой ревности. И тут такой повод – стажерка – Людочка!

Вот «журналюги» и устроили себе этакий маленький Лас-

Вегас, да и выигрыш в пари был немалый – ящик пива!

Когда часы показывали без одной минуты девять, а стажерка Людочка в десятый раз открыла и закрыла блокнотик, с которым она, наверное не разлучалась и во время сна, появился сам шеф-редактор «Полесск – Ключевского вестника» – Капитанов Кирил Мефодиевич.

Фотокор Мячиков было приуныл, так как перспектива проигрыша пари явно замаячила на горизонте. И было от чего. Лицо шефа цветом напоминало вареных раков, что подавали вчера в сауне к пиву. В руке он держал свежий выпуск газетного листка.

– Что это? Я спрашиваю, как могло это попасть в печать?! – гроза загрохотала в тесной комнатенке редакции. Людочка, испуганно открыла блокнот, схватилась за шариковую ручку, словно собираясь законспектировать гнев шефа.

– Вы что? Совсем и далее последовали такие слова, что Даль нервно бы засуетился в поисках ручки или карандаша, дабы быстрее записать новые словообороты, а грузчики в Одесском порту с раскрытыми ртами благоговейно внимали бы столь пламенной речи.

Минут через пятнадцать, шеф немного поутих и более изящным языком потребовал объяснений по поводу небольшой заметки на третьей странице вестника. Фотокор и журналист, переглянувшись друг с другом, и начали выкладывать подробности появления взрывной заметки.

Вот что удалось выяснить: вчера, как раз накануне сдачи материала в печать, они убивали свободное время игрой в карты. Мячикову чрезвычайно везло. И вот когда журналист Филькин, взяв свои три карты, соорил на своем лице выражения кота, который в упор не видит сметаны, столь беспечно оставленной хозяйкой на столе, перед фотокором встала сложная дилемма: брать ли прикуп при семнадцати очках?

И тут раздался телефонный звонок. Мячиков, вздрогнул от неожиданности и машинально подтянул к себе карту.

Звонила Людочка. Взволнованным от нечаянно свалившейся на неё высокой ответственности голосом, стажерка сообщила, что не хватает материала в колонку новостей. И не хватало то пустяк – двадцать строчек!

– Так, пиши, – журналист Филькин, торжествуя, разложил свои карты на столе: десятка, восьмерка и валет. «Блин, двадцать!» подсчитал очки Мячиков.

– Ну и что, что у нас всего один роддом? Пусть он будет № 3, у читателя сложится мнение, что с роддомами у нас в городе полный порядок! – поучал стажерку более опытный мэтр журналистики.

– Да, да благополучно родила, – бубнил он в трубку, сколько родила? Сколько? – поторопил он фотокора кивая на неоткрытую карту.

Мячиков, с замиранием сердца перевернул глянцевую картонку. Дама!

– Очко! Двадцать одно! Блин фартит тебе сегодня, – по-

завидовал он везению фотокоора.

– Да, да, так и пишите! – снова забубнил он в трубку, – ну и что? Пусть знают, что у нас в Ключевске тоже рожать могут, не только эт самое, одним этим самым процессом заниматься! Все, все, не тяните, давайте в набор! – и бросил трубку раздраженный очередным проигрышем сторублевки.

– Давайте, разгребайте сами свой очередной ляп! – шеф оторвался от начальственного кресла и отправился ликвидировать последствия открытия сауны.

– Пишите, Людочка, – развернулся Филькин к стажерке, – Пишите.....

– Что писать, Геннадий Куприянович? – с готовностью распахнула блокнот Людочка.

– Опровержение, опровержение будем писать Людмила! – посуровел Филькин.

– Во вчерашнем номере газеты, была допущена ошибка....

– Досадная ошибка! – поддакнул фотокор Мячиков.

– Да, да! Досадная ошибка! Ну и так далее, что вас там не учили, как писать опровержения?

– Учили, только я не знаю, сколько родила, писать... потупилась Людочка.

– Пишите, как все нормальные люди рожают – один, два...

«Один два» – строчила в блокноте стажерка, забыв поставить запятую между цифрами.

Во дворе дома № 17 по улице имени летчицы Гризоду-

бовой, рано утром следующего дня, дворник Митрич, привычно развернул свежий номер городской газеты «Полесск – Ключевското вестника».

Дом висельника.

После смерти Николая Ивановича остался дом. Так себе постройка, не особо-то и баская: две комнаты, да рубленая, бревенчатая пристройка из двух комнат. Зато усадьба – обзавидоваться! Огород полого спускался к речке, а точнее к основательно заросшей тополиной роще. По весне, в пойме речки буйствовали соловьи, да в заполненном осокой болотце, квакали лягушки. Все это природное любование досталось племяннику Николая Ивановича – Сергею. А по нашенски, по науличному, Серёге.

Серёга обретался в городе и даже на похороны своего щедрого дядюшки умудрился опоздать. Припылил на старенькой «Жиге» как раз когда опустили в могилу гроб. Нет, вынимать из-за него, мы не стали – примета плохая, а закапывать повременили. Подождали, пока Серёга тёр кулаком сухие глаза, изображая горе и печаль по ушедшему дядюшке, а потом взялись за лопаты.

Серёга проникся к нам по поводу ушедшего в мир иной родственника и выставил литр водки. Это копать могилу, да обрядовать покойника в последний путь, никого не дозовешься, а вот водку пить, так все набежали. Вот и завалилась вся

наша шумная компания в наследуемый дядюшкин дом. А там, пошло – поехало! Короче: в нашей компании как – одной бутылки мало, две – много, а вот три – в самый раз!

Уехал Серёга из села на третий день. А мы остались. И остались вроде как за негласных хозяев дома. Ясное дело – ключи от замка, мы где-то потеряли и заходили в дом по простому – вынимали пробой из косяка и все дела. . . . Со временем, хозяев становилось больше, кто-то проговаривался знакомым, кто-то приводил подружку. Ну не целоваться же в холодный вечер на улице. Так и служил верой и правдой нашей компании домик у реки. Служил до самого августа. А в августе случилось это. Жуть, если рассказать во всех подробностях! Попробую, но учтите – буду беречь ваши нервы, да и свои напрягаются, как вспомню!

Не знаю, кто проболтался Антону про наше пристанище, только повадился он бывать в нашем доме. У нас как – пришел, видишь, пробой вынут и дверь на крючке – уходи, кто-то с подругой уединился, а не на крючке, так компашка гуляет – смело заходи!

А вот Антон, он терпеливо ждал и заходил в освободившийся дом даже поздней ночью. Природнился к нему, одним словом. Да и пусть его, не сильно и жалко! Только вот подружке парень что-то разонравился, ну – бывает! Так ты либо добивайся её, либо найди другую, делов – то!

А Антошка, пригорюнился, призадумался – да и опечалился. . . . Да так сильно, что взял верёвку, зашел в наш дом и

повесился на крючке, на котором прежние хозяева люльку с ребенком подвешивали. И провисел он так ночь, целый день и даже вечер.... А ближе к ночи, ну надо же, как раз такому случится! Заводила наш и можно даже сказать – наш атаман Колька, застолбил домик на целую ночь! К Светке городская подружка приехала, так вот он на неё и запал.... Своих блин девок ему не хватает!

Ну не об этом я, не об этом....

Колька значит, лапшу на уши этой городской вешает, ля, ля, три рубля и все такое. Сам пробой, тихонечко, раз и в дом. Ясное дело – шторы по такому случаю, наглухо, да и окна затемнены газетами, лучик света наружу не вырвется. Входят они в первую комнату, там кроме стола и пары колченогих табуреток нет ничего, а вот во второй – диванчик уютный и столик журнальный, кресло опять же и телевизор с видеком, добра этого у нас, в селе, стало навалом. Так вот Колян, эффектно так занавесочку на дверном проёме откинул, собой проход закрыл и щёлк выключателем! И ещё при этом галантно так в сторонку отошел лицом к ней развернулся. Джентльмен, одним словом! Смотрит, а у городской фифочки глаза по чайному блюдцу стали и завизжала она, так что Коляну показалась, что наступил он на хвост коту. Разворачивается, а там....

Короче – висит Антон, глаза выпучены, язык вывалился, лицо синее, да ещё и, пардон, обмочился.... Тут даже у Кольки нервишки сдали. Схватил он за руку свою городскую да-

мочку, и рванули они прочь со скоростью соседского пса, которого наградили нехилым пинком. Хватило ума у него в милицию заявить об увиденном. Да, забыл, они теперь полицией называются! Дед мой, юморист старый, прикалывается: «Менты, – говорит, – так мы их называли, а теперь – понты, что – ли?!» и ещё – накрепк свой старый маразматический мозг: «Вот мы, выросли в аккурат после окончания второй мировой, так у нас считалка была – айн, цвай – полицай».

Полицаи, на всякий случай, закрыли Кольку в обезьяннике, подружку его усадили в коридорчике на стуле и поехали в дом у речки. Вынули Антоху из петли, замеряли чего – то там, запротоколировали – зафотографировали место его смерти, да и прибыли назад.

У дамочки истерика, ей не разрешают папа с мамой гулять позднее двенадцати, Колян её утешает, мол, я придумал хорошую отмазку: «Гуляли, никого не трогали, видим – бегут двое из дома и вопят, мы туда, а там.... Короче – мы герои, не побоялись и сообщили в полицию!» Не знаю, что потом сказали ей её родители, на на Коляна она смотрела как пионеры на Мересьева!

Блин, ну не умею я рассказывать истории! Вот опять в сторону ушел....

Все закрутилось, когда в село вернулся Женька. Нет, не с армейской житухи вернулся, а с мест не столь отдалённых. Во, пальцевать – то перед нами начал! И зону то он топтал, и баланды тюремной нахлебался вволю.... С чего это он нам

показался круче вареного яйца, это мы так тогда и не поняли. Только закрутил он нашей компанией, ой как закрутил! Домик он наш прихватизировал и сочинял там любовные романы то с одной, то с другой.

Это потом мы допёрли, что нужно было турнуть его с нашей компании, да ещё по шее накостылять, как треплу и пройдохе. А сейчас он нас турнул из нашего же домика.

И вот тогда в Лёхиной голове возник гениальный план. Лёха он как: кинет нам идею, а сам вроде и исполнять её не торопится, ждет, значит, когда сделаем. А на этот раз его план был хорош, да что там хорош, просто гениален! Да и сам Лёха так рьяно взялся за дело, любо— дорого посмотреть! Прежде всего, мы нашли новый ход в наш домик, через оконце в пристройке. Окно высоко, так мы лестницу к нему, а там, внутри, комод придвинули. Сделали все как надо и за-таились снаружи – ждем.

Жёка, приперся даже раньше, чем мы ожидали и вот ведь стервец, закрутил все-таки роман с Веркой – продавщицей. Вместе и пришли, вина с собой захватили и закуску опять же. Замок он сменил, и пробой забил накрепко – хозяин блин, нашелся!

Расположились они значит в первой комнате, во второй Женька интим навел: свечи на журнальный столик, видео приготовил, зановесочки на окна новые прицепил и за диванчик ширмочку цветную примостил, он её у бабки спер. Красоту, одним словом навёл. Сидят они, значит, флиртуют,

винцо попивают, шутки шутят, смеются. Он только-только анекдот рассказал, она заливается смехом и вдруг, как будто поперхнулась, глаза округлились, пальцем тычет:

– Там, там... – и больше ничего сказать не может.

Женька поворачивается – а там! Он нам потом рассказывал, да ещё без этих своих, зэковских словечек:

– Висит! Белый такой, за голову подвешен... Схватил я Верку за руку и как ломанулись мы к двери, долбимся в неё, сам же на крючок закрыл, все из головы вылетело... Еле сообразил, откинул крючок и на улице в себя пришли, да и то, когда убежали от дома.

Всё! Я, туда больше не ходок...

Мы, притворно поудивлялись, поохали да и пошли в теперь окончательно ставший нашим дом. Зажгли свечи на журнальном столике и дико ржали, наблюдая как Лёха, подтягивал по тонкой леске, нашего «висельника». Все-таки мы мастерски мы сделали это чучело!

Посмеялись, допили вино, оставленное Женькой, закусили конфетами и разошлись по домам. Спать я лёг рано, и одиннадцати не было. Только заснул, да что там – просто провалился в чёрную яму, мать дергает за плечо:

– Сынок, сынок! Проснись, в селе пожар! Вон у тополиной рощи что-то горит, дом, кажись....

Я, бегом брюки, башмаки, куртку на голое тело и рванул на клубы дыма подкрашенные красным пламенем. Сердце упало – горел наш дом....

Тушить было нечего, крыша провалилась, бревна насквозь светились малиновым цветом, жар стоял такой, что подойти близко невозможно было. Сгорел дотла наш домик!

Нет, стены пристройки остались, кирпич, чего ему делается.

Лёха утешил:

– Ну, чё тут слёзы лить! Что сгорит, то не сгниёт! – и вытер чёрный от сажи нос.

Следующий вечер мы слонялись по селу, не зная куда деться. И как-то само собой оказались на пепелище. Убывающая луна заливала серебром тополиную рощу, на болоте блестела осока, и начинал клубиться туман. Постояли. Помолчали. Развернулись и пошли. Дёрнул же чёрт Лёху обернуться:

– Братцы! Что это?!

По пепелищу бродил человек. Спокойно так бродил, неторопливо....

Мы направились было к нему, но что-то нас остановило.

– Мужики, – свистящим шепотом произнес Колька, – Так через него все видно!

Метров двадцать мы тихонько пятились, лихорадочно пытаясь понять, что это такое, а затем, рванули, так что ветер засвистал в ушах.

А может это была массовая галлюцинация?

Самоделкин.

В деревне все друг у друга на виду. Вот если отличаешься ты чем-то от других, посудачат о тебе, посплетничают и позабудут, но оставят прозвище, как говорят в народе, «уличное имя», да такое меткое да прилипчивое, не отмоешь, не отскребешь. Был у нас в деревне мужичок, росту небольшого, к тому же любитель выпить. Увлечение спиртным было у него, по деревенским меркам, скромным ; так, ходил в «сочувствующих» местным алкашам. По праздникам – обязательно, да пару раз в неделю с друзьями посидеть, поболтать, пивком побаловаться, разве это пьет человек? Вот только его супруга считала его пьяницей. О его благоверной надо сказать отдельно.

Местные мудрецы в каком-то журнале вычитали, что где-то в Нигерии красота невест измеряется весом самой невесты. Жена была у Сергея, так зовут нашего героя, дама крепкого телосложения. Мужчины в этой самой банановой Нигерии облизывались бы, глядя на её красоту. Друзья Серёги, сидя в пивной, частенько подшучивали над ним: «Вон сто килограммов твоего счастья идет!»

Того как ветром сдувало, куда–нибудь в сторону. Однако наш рассказ ни о выпивках Сергея, ни о его многочисленных разборках с супругой.

Была у него одна страсть : хобби местного значения. Умел он из пары – тройки железяк да консервных банок смастерить что-то полезное, которое могло двигаться, тархтя, под-

прыгивая и скрипя. Вот и прилипло к нему уличное имя «Самоделкин».

Случилась наша история в начале перестройки. Тогда, окрыленный новыми идеями, народ кинулся в кооперативы, думая своими руками скроить себе светлое будущее. Пришла в голову Самоделкина идея. Родилась она не на пустом месте. Приезжал к нам несколько раз какой-то заезжий гастролер – массажист. Изготовил он в типографии большой цветной лист, назвал его громко и красиво – диплом. Завлекает массажем наших баб, разминает их, поглаживает. А те и рады, дешево да полезно! Вбили себе в головы: похудеем, станем моложе да красивее! Супруга Самоделкина, он ласково её называл «моя Дюймовочка», и добавлял, шутя: «Шестидюймовочка как на Авроре»-

в первых клиентках массажиста. Ну, не судите её: не хватало ей массажа и все тут!

Самоделкин недолго морщил лоб над очередной идеей, взял электробритву, приладил к ней какой-то болт, вшил все это в матерчатый пояс и получил первый электромассажер! Полюбовался работой и решил не останавливаться на достигнутом. Два транзистора, провода, горсть конденсаторов да разных сопротивлений – и, пожалуйста, электромассажер менял свою вибрацию, а вместе с ней и звук от тонкого комариного писка до баса шмеля.

А вот и, собственно, сама история. Супруга его, примерив пояс, осталась довольна. Есть возможность полежать, рас-

слабиться. И в один из дней, намотавшись по хозяйству, надев пояс, прилегла на диван. Для полного успокоения души взяла в руки книгу «О вкусной и здоровой пище». Видя это, Самоделкин быстренько сбегал по злачным местам и принял нужную ему дозу алкоголя. Для отвода подозрений придиричивой супруги прихватил газету «толстушку» на несколько десятков страниц. Не пьем мы, мол, а приобщаемся к культуре да к мировым новостям! А вот тут, на немного, остановимся в нашем рассказе.

Приключилась с ним в молодости прескверная история. Ехал он на мотоцикле, небыстро ехал, так под 80 км/ч, и ударился о его лоб шмель да еще и ужалил! Серега от испуга, неожиданности и боли слетел в небольшой пруд, где и удачно приводнился, распугав лягушек. С тех пор боялся он всякой жужжащей твари.

Возвращается он домой, газету в руке как дубинку держит, что тут странного: читать ходил! Только зря крался: уморилась его Дюймовочка, спит. Говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо». Нет, услышал Сергей, жужжит что-то. А ну как супругу укусит! Подкрался и газетой – раз! Реакция супруги была мгновенной. Книга «О вкусной и здоровой пище» опустилась на голову бедного Самоделкина. Наверное, все рецепты блюд, которые разом вбились в его голову, соорудили хорошую шишку на его темени, больше похожую на рог молодого теленка. С неделю хвастался потом он этой шишкой перед друзьями, и те, сочувствуя, наливали ему пи-

ва.

Птица смерти прилетает ночью.

Отец умер ночью. Третьего марта, в три часа. Точнее – без пяти минут три. Минут за двадцать до этого его дыхание неожиданно выровнялось, исчезли хрипло-болезненные стоны. Он вдруг приподнялся с постели, посмотрел на меня ясным, не затуманенным болью, взглядом и сказал:

– Сашка, ты видишь её?

– Кого пап? – с меня мгновенно слетела сонная полудрема, и я подскочил к его кровати.

– Птицу, вот там в углу....

Я посмотрел в угол. Ничего. На стене тикали часы, сквозь тюлевую занавеску просвечивались огоньки рекламы.

– Не вижу – честно признался я.

– Ну как же! Вон она в углу сидит.... Красивая птица.... Пёрышки такие разноцветные.... Это она за мной прилетела.... Пора мне, пора.... – отец откинулся на подушку, лицо его враз посерело и ещё больше осунулось.

Услышав звуки нашего разговора, проснулись все взрослые. Отец повел взглядом в нашу сторону, слабо улыбнулся и силы окончательно покинули его.

Он попытался вздохнуть в последний раз, но только обессилено обмяк.

Минут через пять, брат поднёс к его губам зеркальце. На

холодном стекле не осталась следа даже от малейшего дыхания.

– Все, дети, ваш отец умер – потерянным голосом тихо произнесла мать.

Сестра, стала всхлипывать, слезы покатались из её глаз.

– Не надо пока плакать, его душа ещё с нами – мать погладила её по плечу. – Саша, закрой ему глаза....

Я, положил пальцы на глаза отцу и потянул его веки вниз. Он, резко вздрогнул всем телом и как то неестественно выпрямился.

Мы, молча, просидели возле умершего полчаса.

– Надо снарядить его в последний путь, ты Анатолий, – обратилась мать к старшему брату, – Позови старушек, пусть обмоют покойника....

– Да где я найду старушек, ночью, да ещё в городе? – потерянно откликнулся брат.

– Не надо никого искать, мы сами обмоем его и сами снарядим его – успокоил я всех.

– Так вроде как не положено родным – всхлипнула мать, изо всех сил стараясь не разрыдаться.

– Ничего, это все предрассудки, он нас маленькими всегда мыл в бане – окончил я спор.

– Ну, да, ну да.... – согласилась мать.

Мы, три его сына унесли ссохшееся от болезни тело в ванную. Рак желудка достал все-таки отца, не смотря на все усилия врачей, несмотря на сложную операцию, сделал свое

чёрное дело.

Брил его я. Лезвие бритвы скользнуло по правой щеке и оставило маленькую красную точку. «Блин, – мысленно возмутился я, – прыщик срезал!». Вспомнилось – когда отец брился, а для этого он использовал опасную бритву, то случилось и ему порезаться. Тогда он брал газету, отрывал от неё маленький кусочек и, смочив его слюной, прикладывал к ранке. Когда кровь засыхала, убирал этот странный пластырь.

Одевали мы отца в зале. Повязав ему галстук, привычным движением проверил, не туго ли? Мелькнула мысль: «Да покойнику теперь все равно!».

Живот и ноги отекали, и нам пришлось разрезать задники тапочек и поменять брючный ремень, на бечёвку. Да кто увидит это под белым покрывалом савана?

Наутро, предоставив остальное оставшимся родственникам, да подошедшей родне, мы отправились готовить место для последнего упокоения отца. Место под могилу нам выделили быстро, но оказалось, что участок напрочь продувается колючим морозным ветром и поэтому земля промерзла на всю глубину. Это мы поняли, когда за три часа углубились сантиметров на сорок. Хорошо, что брат работал в строительной организации! Часам к двум, пригнали компрессор и вагончик – теплушку. Стало намного легче, но все равно дело шло медленно, и когда прибыла похоронная процессия, то могила была готова лишь наполовину. Мысленно ругая дру-

зей брата, которые дружно и весело пили водку в вагончике, я налегал на ручку перфоратора и, откалывая куски смерзшейся земли щедро напичканной камушками, долбил могилу своему отцу. Похоронили мы его часов в пять, а в семь часов, я донельзя измученный тяжелой работой и вымотанный бессонными ночами, приехал домой. Жил я в селе, в двадцати километрах от города. Затопив печку и наскоро поужинав разогретым борщом, отправился спать. Взял, было, свежий номер газеты, но желание читать пропало сразу. Положил её под кровать и там же, поближе, положил и очки.

В звянящей тишине весенней ночи, мысленно пожелав удачи своей супруге, а осталась она в городе, сдавать какие-то экзамены, буквально провалился в сон.

Несколько довольно увесистых шлепков по левому плечу, буквально выдернули меня из сна. «Какая сволочь будит меня! Я так вымотался за эти дни!» Вот, даже ругательство помню, хотя прошло столько лет! Однако вернемся в ту давнюю ночь ранней весны...

Не успел я развернуться лицом к наглецу, который осмелился будить меня, как ещё один шлепок по плечу, даже больно стало, и следом за ним кто-то сдёрнул с меня одеяло!

– Давай, вставай, я в гости пришел! – прозвучал ясный и чистый голос.

«А вот это уже слишком!» – с этой мыслью и закипая праведным гневом, развернулся в пространство комнаты. Дальнейшее так отчетливо врезалось в мою память, что даже сей-

час, вижу все ясно, словно набор ярких, цветных картин.

Всю комнату заливал прозрачно-зелёный свет. Нет, это был не солнечный свет, тот намного мягче и желтее, это было похоже на свет полной луны светящей через зелёную крону деревьев. Вся обстановка комнаты была залита им и отчётливо видна. Посредине комнаты стоял отец! Сказать, что я испугался, нет, скорее это было крайнее изумление.

Был он одет в тот же самый костюм, вот только пуговицы на нем были растёгнуты, он не любил быть «зачехлённым», так он это называл. Я, машинально зафиксировал, что бечёвка, которой мы заменили его ремень, была повязана «бантиком», хотя я сам вязал её на один узел. На ногах не было тапочек, только чёрные носки. Узел галстука был ослаблен и даже немного распущен. И – это уже слишком! Порез на его щеке от моего бритья был залеплен клочком газеты!

– Ну, ты, чего?! Вставай, я же к тебе в гости пришел! – с этими словами отец переместился к двери, ведущей в спальню. Как он это сделал, я не понял. Просто – раз, и у двери. . . .

Полуобернувшись, он, усмехнувшись, произнес:

– Вставай, вставай. . . .

В каком-то оцепенении я, опустил ноги на холодный пол спальни. И все исчезло – и свет, и отец! Нагнулся, нашарил под кроватью очки, немного стало видно получше. Осмотрел все комнаты, не поленился подергать ручки форточек и дважды проверить замок входной двери. Заперто, заперто! Попил воды и побрёл в спальню. Уже укрывшись одеялом,

вдруг поймал себя на мысли, что всего этого не было. Ну не мог я без очков разглядеть этот злополучный порез! Не вижу я без них, по причине миопии высокой степени. А попросту – у меня сильная близорукость. Воспалённое воображение нарисовало в мозгу все эти картинки. Полубред на границе сна и яви. Хорошо быть материалистом, все легко объяснишь с научной точки зрения!

Назавтра была пятница, и было у меня на завтра назначено совещание профкома. Была такая общественно-полезная должность – председатель профкома. Никто не хотел тянуть эту бесплатную лямку, вот на мне и отыгрывались! По молодости, да по глупости, делал я эту работу. Сейчас бы отмазался, оно мне надо? Совещание было назначено на вечер, а днем, вернулась из города жена и не одна, вместе с ней, в гости, напросился и мой старший брат.

Посидели, по домашнему, помянули.... Мне-то нельзя, а брательник и раз, и два выпил, да и навязался со мной. Пока я совещался, он успел сыграть с кем-то в шахматы, несколько раз продулся и один раз свел в ничью. Отметил этот матч парой пива и был очень доволен жизнью. Домой мы возвращались поздним вечером в свете уличного освещения.

– Виктор, – обратился я к нему, – Не шуми дома, супруга устала, да что там – устала! Вымоталась за эти дни!

– Так мы тихонько, тихонько! И на кухне.... А вот и нет! – обрадовался он, – Вишь у тебя свет в доме горит!

Точно, все окна дома светились, отбрасывая яркие прямо-

угольники света на снег не успевший посереть в лучах мартовского солнца.

– Кого это в гости к нам занесло? – удивился я.

Жена встретила в коридоре, в домашнем халатике, улыбнулась на мое беспокойство:

– Какие гости? Не спиться мне что-то....

Когда мы легли спать, прижалась ко мне и промолвила:

– Отец приходил, беспокойно мне, беспокойно и тревожно....

– Как приходил? – встревожился я, – Ты его видела?

– Нет, не видела. Но только задремала, чувствую – он у меня в изголовье стоит.

– Раз приходил, значит, ему хорошо у нас было, два года до операции у нас прожили...

– Ты не расстраивайся, – она прижалась ко мне, – Завтра я приготовлю, что ни будь, соседей соберу, помянем.... Все хорошо будет!

И точно, все стало хорошо. Может не так сказал, но боль и горечь от утраты близкого человека притупилась и не так остро жгла сердце. А через неделю, на вечеринке, по случаю дня рождения одного из моих друзей, я позволил себе даже расслабиться: немного выпил, шутил, невпопад подпевал под гитару. Домой, мы направились, когда стрелки часов перевалили за полночь. Середина марта, для предгорий Алтая, ещё зима. Но весна уже дышала в спину дряхлеющей старушке-зиме, было всего восемнадцать градусов мороза.

Луна, апельсиновой долькой, закатывалась за горизонт, и её свет серебрился на усыпанных инеем ветках деревьев. Мы уже подошли к калитке, как жена воскликнула:

– Смотри, что это? – и махнула рукой в сторону соседского дома.

– Где? – я не сразу рассмотрел, что она там заметила.

– Да вон, над крышей дома тети Маши! Там птица летит!

– Вижу – я замер в изумлении.

И было от чего. В морозном воздухе легко парила птица. Она светящимся пятном скользила, снижаясь по спирали вниз. На что она была похожа? На сказочную жар-птицу? Нет, эта была поменьше, чем та на рисунках из сказочных книжек. Светилась? Точно!

Но как-то призрачно – слабым светом и что странно: через неё просвечивались ветки деревьев. Была она размером, скажем так – с гуся. Только крыльями не махала, а скорее скользила, словно скатывалась с пологой горочки.

– Что это? – жена вцепилась мне в рукав куртки.

– Не знаю! Но красивая птица, наверное – попугай, – невразумительно пробормотал я.

– Замерзнет! Жалко, такая красивая птица и перышки вон разноцветные....

Не успел я ответить, как птица, резко развернулась и стремительно унеслась вверх.

Тётю Машу, мы хоронили послезавтра.

Дрессировщик.

«Зятек, как фамилия того немца от которого я без ума?» «Альцгеймер, мама, Альцгеймер», всегда отвечает мой друг Петрович, на вопрос своей тещи.

Александра Владимировна, или просто – баба Шура, в 85 лет сохранила неплохое здоровье, только вот память частенько подводит, поэтому дочь с зятем не оставляют её без присмотра. Иногда беседа с ней порой напоминает диалог глухого и слепого, да еще на китайском языке.

Пришлось раз Петровичу, по каким-то неотложным делам, вместе с супругой выехать в областной центр. А бабу Шуру поручили под мою опеку. Что такого? Всего на пару часов.

В тот момент у меня с бумагами завал случился, постучать по клавиатуре компьютера срочно требовалась некоторое время. Включил я для бабы Шуры, телевизор, загрузил в плеер диск с какой-то мелодрамой, и приступил к работе. Через некоторое время она вдруг, появилась возле моего стола.

«Чего это ты по своему телевизору смотришь?» «Да вот работаю, отвечаю я ей, с интернета файлы обработать надо» «А-а, тоном знатока отреагировала она, чего это твой телевизор, разные картинки показывает, и они прыгают туда-сюда?» «Вот я из этого файла в этот картинки вставляю, и подписи под ними делаю» пытаюсь объяснить ей суть своей ра-

боты.

Минуты две размышлений. «Поняла я – ты чинишь телевизор!» просияла баба Шура. «Можно сказать и так» согласился я. «А это что за штуковина, которую ты все время прижимаешь рукой?» не унималось её любопытство. «Это – мышка». «Мышь?!» аж подпрыгнула баба Шура. «И затем ты её под рукой прячешь!» «Вот смотрите, повел я мышкой, на экране видно, куда мне смотреть» Минуты три, крайне озадаченная баба Шура взирала на монитор. «Как может мышь тебе указывать, куда глядеть?» в её голосе сквозило полное недоверие. «Да это наоборот я направляю, куда надо мышку и уж затем смотрю, куда она указывает», как можно проще попытался снова объяснить ей я свою работу.

Не получилось. Собеседница моя с изумлением спросила «Так ты что ж, мышь дрессируешь? Зачем?!» «Так за это деньги платят» с иронией отреагировал я. «Деньги? и много?» Все, сосредоточится – не получится. «Кому как, вон Билл Гейтс, самый богатый человек в мире» «Так что, этот Гейз, лучше тебя выдрессировал своих мышей?» «Выходит лучше» не стал я спорить с бабой Шурой. «Ну и куда же ты милоч денешь эту свою дрессированную мышку, в цирк продашь?» «Это, смотря с какой программой, будет выступать моя мышка, а цирк ей найдется!» попытался тонко отшутиться я. «Будет выступать цирк с твоей дрессированной мышью, пойду, погляжу» отступилась от меня баба Шура.

Через час, после того как я проводил свою гостью к подь-

ехавшей за ней машине,

позвонил Петрович. «Ой, озадачил ты мою тещеньку, говорит он мне. Ругает она тебя:

«Вроде умный человек твой друг, вон и телевизоры умеет чинить, а глупостью мается – мышей дрессирует, богатым хочет стать, богаче, какого-то Гейза, говорит, буду. Жалко мужика, с умом у него не все ладно!»

Компьютер не только источник информации, но и первый источник по части юмора.

Завязал.

Хотите знать, как мой сосед завязал с пьянкой? Да как завязал, вообще не пьет! Не так что бы ни капли, на новый год фужер шампанского поднимет, да на день рождения жены коньяку два наперстка в хрустальную рюмочку нальет. И больше ни по какому поводу, ни – ни!

Механизатор он, мой сосед Генка Вакулич, а у них на работе как начали свою очередную сельскохозяйственную компанию, так пока не закончат. А закончат – соберутся за столом, вроде как поздравить себя хотят и порой так «напоздравляются», на бровях домой приползают!

А Генка, тот стойко пьет – пока не свалится, а как свалится, грузят его на какой либо транспорт и вручают этот сюрприз его жене Галине.

Генка не буйный, спит мертвецким сном, а проснется, ой

лучше бы спал подольше. Голова у него раскаляется, ходить не может, да и разговаривать тоже, мычит только на Галины упреки.

Ну-у, свою супругу Галину, он обожает, слово против не скажет! Вот только попробовали бы вы затаскивать своего бесчувственного муженька в комнату – ой – е – ей, как возмущались бы вы поутру.

Галина в последнее время просто перестала затаскивать сто пять килограммов своего счастья домой. Положат ей муженька пьяного в хлам на веранде, она под голову подсунет подушку, да укроет его одеялом, повздыхает, повздыхает и одна ложится спать.

По образованию она была учительница начальных классов, прилежно учила в колледже французский язык, да еще прихватывала уроки на каких-то продвинутых курсах. Очень мечтала съездить в Париж, башню железную эту посмотреть или что-то ещё.

Впрочем, давайте по порядку.

Прибегает как-то Галина под вечер ко мне. В конце мая это было. «Есть у тебя галстук поярче, да такой, чтобы ты его почти не носил?»

«Есть, отвечаю»

«Тогда одолжи на вечер и еще дай свой дипломат, и помоги в интернете найти русское посольство во Франции»

«Галстук и дипломат, понятно, а посольство тут причем?»

«У Генки сегодня «отпашка», лечить от пьянки будем, я

друзей по колледжу вызвала, они помогут»

Через пять минут подошла её подружка, нашли мы в интернете нужное посольство, скопировала она какие-то бумаги с двуглавым орлом и другими серьезными знаками, поколдовала еще там с разными словами, отпечатали все это на принтере и убыла она с этой «липой» обратно.

Что было дальше, лучше мне рассказать с Генкиных слов, свой рассказ он поведал мне, почему— то шепотом, вечером следующего дня:

«Закончили мы своей бригадой посевную, решили слегка отметить это дело, в столовой под вечер собрались, тосты разные говорили, песни распевали, черт дернул меня поспорить с Николаем, что разогну мол, подкову.

Ты же знаешь, бог меня силенкой не обидел, это точно — Генка хоть и был увальнем и тугодумом, но силу имел не мерянную. «Принесли из кузницы подкову, ребята Кольку подбадривают, спорь на литр коньяка, эту железяку наши кузнецы делали, не разогнет!

Поднатужился я, Генка посмотрел на свои ручищи и разогнул!

Ну, мужики всю спину поотхлопали, все меня поздравляли. Так незаметно коньяк и выпили. Перебрал я лишнего и как в омут головой, отрубился напрочь!

Очнулся, в какой-то комнате. Вижу не наша это комната, обои красивые, светлые и какие-то гладкие. Голова гудит как трактор К-700, во рту как в пустыне Сахара сухо! С тру-

дом поворачиваю голову – мать честная! За окном небо синее-синее и эта французская Фефеловая башня торчит! Я у Галки на картинке в книге точь, точь такую башню видел. Подал я голос: «Эй, кто-ни будь!»

Тотчас заходит фифочка– вся из себя, юбочка мини, передничек беленький и ко мне: «Мсье, кесь-кесе ву а?» и что-то там еще на французском чешет.

Моя Галка знает чуть– чуть этот язык.

Спрашиваю я ее: «Где это я и что со мной? « Хлопает глазами как кукла, да на французском своим лопочет.

Понял только два слова – Париж, да отель! Собрал я остатки сил и требую: «Посла нашего мне предоставьте!»

Не понимает! Убежала, приводит еще одну даму, ну та тощей этой первой будет, одета строго и так же на меня строго смотрит. Еле втолковал им, что посла нашего мне надо, консула. Поняли, головами закивали: «Уи, уи, да, да по-нашему».

Строгая исчезла куда-то, а первая улыбалась мне и включила телевизор. Плоский телик, такой, как в твоём компьютере.

А там, не поверишь, ихний фермер показывает как он виноградник выращивает и говорит что-то, поди, пойми! Переключает она программу, а там актер Бельмондо и тоже все на иностранном языке. Тут взмолился я, пить охота. Показываю ей на пальцах, она снова: «Уи, уи!» и переключает канал на молитву, показывает мне как руки сложить.

Сложил я руки, только пить ещё больше захотел. «Воды дай» показал на пальцах. Принесла в высоком стакане.

Через час, а может через два, пришел наш консул, серьезный мужчина, а по-французски так же как и французские мамзельки чешет. Он и объяснил мне, что нашли меня в коридоре отеля, занесли в комнату и пока не очнулся в полицию не звонили – репутация отеля пострадает. Тут за этим строго следят. Как я там оказался, никто не знает! Главное, со мной ни денег, ни паспорта, только права механизатора и все. Проблем говорит, не оберемся!

– Первое – нелегальное пересечение границы, это лет на пять потянет, второе, зачем ты приехал во Францию, могут и шпионаж пришить или что хуже – терроризм! Это лет на двадцать пять тянет по местным законам.

– Чего, говорю, меня пугать, я сам не знаю, кто меня сюда привез и зачем в этом отеле свалил! Вот, вот наш консул даже обрадовался, сейчас, знаешь, какие чудеса наука делает? Запрограммировали тебя, ну вот хоть башню взорвать, консул кивнул головой в сторону окна, или президента убить, ты и сам всего не знаешь, будут тебя лет пять в психиатрической клинике держать!

– Да на черта мне их башня, и с президентом местным я не ссорился, зачем мне его убивать? – Ты, давай, думай, как мне домой быстрее вернется.

– А быстрее не получится, паспорта у тебя нет, денег на самолет тоже, застрял ты, парень, здесь надолго!

У меня, аж, голова болеть перестала, домой надо! А двинутся с бодуна, я почти сутки не в могуते! Да тут т скоро культивация начнется, опять же Галка волноваться будет!

– Культивация, это серьезно, а Галка, это жена? – консул в задумчивости почесал нос.

Есть один вариант, я договорюсь с местными, что тебя здесь не было, и вывезем тебя в багажнике дипломатической машины.

Да, я согласен хоть на крыше машины, лишь бы домой!

Смотрю, открывает наш посол маленький чемоданчик, точно как у тебя, и достает кучу каких-то бумаг.

«Подписать тебе надо вот это», протягивает одну бумажку мне, «повезем мы тебя через границу, чтобы ты не шевелился, выпьешь снотворное».

«Да я и так буду сидеть тихо, как мышь» отвечаю я ему.

«Нельзя», говорит консул, «там аппаратура прослушивания чувствительная, только снотворное! Давай, подписывай, что предупрежден».

«О чем предупрежден?» спрашиваю я его.

«Снотворное мы тебе дадим сильное, после него лет десять пить спиртное нельзя будет». Читаю я бумагу, а на ней гербы, флаги, да знаки разные! Важная бумага и предупреждают меня в ней, что после приема снотворного мне пить нельзя целых десять лет, а лучше вообще – не пить ни капли спиртного! Подписал я её. Не торчат же мне до конца своих дней в парижской тюрьме. Вызвали они по телефону врача

местного. Докторша мне чего-то внушала, консул перевел – бранит меня за пьянку и дала горстку таблеток.

Представляешь, очнулся дома, жена Галка не ругается, а только плачет. Тайком попробовал чуть – чуть опохмелиться, куда там, наизнанку вывернуло! Все – завязываю! »

Соседка на следующий день вернула галстук и портфель. Спасибо, говорит, подружкам, да преподавателю курсов французского языка, помогли спектакль разыграть, вот только картинку Эйфелевой башни с окна жалко было смыть, да обои в спальне переклеивать.

Иногда то, что не блестит – дороже золота!

Ой, и дурковали мы будучи студентами! Всего не вспомнишь и перечислишь! Одна из таких традиционно-студенческих шуток, привела к тому, что из моих рук упорхнуло сокровище во много раз превышающее эквивалентный ему вес золота.

Да, ладно! Если бы только из моих рук, а то с улыбкой вспоминаю, целую цепочку людей, через руки которых прошло нечаянное богатство. Точнее не прошло, а уплыло.

А давайте по порядку!

Собрались мы в театр. Мы – это пять беззаботных студентов волею судеб и Клавдии Спиридоновны, нашей комендантши, оказавшиеся в одной комнате студенческой общаги.

Конечно, прихватили с собой девчонок. Почти бегом, до-

гнали резво тормознувший автобус и втиснулись в задние двери. И тут сработала одна из наших шуток – кто вошел последним тот и платит за всех. Надо признаться, что советская власть просто издевательски относилась к своим гражданам – проезд стоил пять копеек!

Сравнить величину денежного эквивалента с современными ценами? Да извольте! На пять копеек можно было купить две с половиной тетради в «клеточку», пять коробков спичек, да не куцых коробков какие продают сегодня, а полновесных. По пятьдесят спичек в каждом!

Скажу тебе, мой недоверчивый читатель, скажу по секрету, власти в СССР, издевались и над студентами! Тем, кто хорошо учился – платили стипендию! Целых 28 рублей в месяц! Всё думаю – почему не 30? Было бы здорово – как раз по рублю на день! Хватало и на завтрак и на обед, не говорю уже об ужине. Можно было, и сэкономить на обедах и поднакопить на кино с билетами на двоих: на себя и девушку. А так – этих двух рублей и не хватало.

Конечно, мы были при деньгах.

Подыскивали себе работу и ночами, ворочали мешки с цементом, легко вышвыривали из вагонов сетчатые мешки с луком. Чихали, правда, безудержно, как Карабас – Барабас, грозный хозяин кукольного театра. Имели от этой буквально – черной работы, рублей пять, семь на брата и были счастливы и беззаботны, как и все студенты той поры.

Вернемся в автобус.

Платить пришлось мне. Потеря пятидесяти копеек не опечалила а, наверное, затронула, где-то в глубинах души, спрятавшуюся жадность. Вот и выдал я уже не молодой кондукторше, внимательно разглядывающей поданную мной слегка погнутую монетку, из той мелочи, что выгреб я из кармана и высыпал в её ладонь:

– А вы на зуб попробуйте, вдруг фальшивая!

Ой, и отвязалась она на меня! По полной программе! Помню, только что: «Заходят тут всякие... Монеты норовят подсунуть фальшивые... А у меня зарплата, не министерская... (дался ей министр с его зарплатой!). Вот один, токмо што, подсунул невесть што!»

– Да ладно вам! – засмутился я своей дерзости, в общем-то не молодому человеку, – давайте я вам заменю эту фальшивку на настоящую монетку!

Протянул ей рубль, и она передала мне небольшой кругляшек. Как описать его? Если бы не небольшие волны по краям, величиной был бы поменьше чем пять копеек, той, советской поры. Тяжелей немного и серо – свинцового цвета. Запросто мог сойти за монету достоинством в один рубль. Выпускали тогда такие. Их называли – «юбилейные». Как только наступала памятная дата, так и чеканили яркие рубли. Со временем, они тускнели, от грязи и окислов теряли свой блеск и понятное дело, что отсыпала кондукторша сдачу этому ловкачу как с рубля. Это при её зарплате в восемьдесят рублей!

А я положил монетку в карман и протиснулся к своей компании, зажав в кулаке десять билетов.

Какой был спектакль, хорошо или плохо справились актеры со своими ролями, то нас сильно не интересовало. Свои вопросы и свои заморочки волновали нас больше.

Уже дома, в комнате общаги, вспомнил я о монетке, купленной у кондукторши, и лучше рассмотрел её. Да ничего особенного, на одной стороне красовался всадник на коне, по всему видно, что это воин в шлеме с плюмажем, и с копьем в руке. А вот с другой стороны был изображен слон. Помню, на нем тоже был седок, но как-то странно изображен. Словно падал со слона или был ранен. Да и другие подробности этой монетки я особенно и не запомнил. Была она не совсем круглая и изображения на ней отчеканены не по центру. Смещены были немного в сторону. Когда я почистил монетку зубной щеткой, то она посветлела, и стало понятно, что она серебряная.

За изучением этого раритета и застал меня Сашка Карпенко. Он так и вцепился в кругляш монеты:

– Продай, тебе она зачем? А у меня батя коллекционировать монеты начал. Представляешь, какой подарок для него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.